

Александр Хинт

Жили неслабую жизнь

*

У дома выпадает часть балкона.
На дворик надвигается циклон.
Я с кем там говорю по телефону,
и правда ли, что это телефон,
и много ли за свет, мой друг Гораций?
Не веря, замерзает режиссер.
За пенопласты честных декораций
шептал наверх улыбчивый суфлер.

Пока не слышно смеха Авиценны,
не растворит лекарство Бомарше.
У подворотни чеховская сцена,
и не отрепетировать уже,
и чайкам тесен занавес, и море
бутылку заливает сургучом.
Какой некомфортабельный Тригорин!
Иванов, недостреленный еще.

Галеры многопестрого Привоза,
истертые у пальца якоря.
Адью, моя дюралевая роза,
Изольда, или что там говорят
в финале глуповатой телеграммки,
пришедшей на чужие адреса.
Блаженные трущобы Молдаванки
благоухают, как вишневый сад.

*

На прилавке давно не меняли швейцарский сыр,
и повидло краснеет за португальский мед.
«Два рубля занесете», – торопливо говорит ей кассир,
но про эти глаза напротив она поет,
и кассир отводит глаза. А она спешит
опоздать к себе на ужин, невесомо, легко,
за обеденный стол, где не требуется аппетит,
кипятить на плите вечернее молоко.

И хотя повторяет одна из новых жилищ,
что она не в себе и способна поджечь весь дом –
этот дом еще нужен, чтобы не видеть лиц,
у подъезда кормить птиц и дворовых котов.

Из кухонного шкафа она вынимает нож
и, вода острием по пластинке прошедших лет,
не вполне различает, льет ли еще теплый дождь,
и не может припомнить, падает ли снег.

*

Все как положено. Жили неслабую жизнь,
хлеб запекали во льду, чтобы гуще солить там.
Быстро освоили нижние этажи,
двинули выше. Но с черного хода, без лифта.

Делали дело не хуже, чем у людей,
вдоволь делили поляну и правильных женщин.
Кинули пару лохов, что других пожирней,
хоть говорили, скромного надо поменьше.
Путали след, не задерживаясь на крыльце.
Помнили, четкий бухгалтер важнее, чем слесарь,
и среди целей высматривали в прицел
те, что оправдывают оборотные средства.

Отфильтровали табак. Порешали вопрос,
что допускает единый ответ: потому что.
В срок доставляли на перекрестный допрос
нужных свидетелей. В срок убрали ненужных,
но ненавязчиво и добровольным путем,
без автосервиса и византийского яда.
Кроме таких, что закапывали живьем,
каждому в руки – бочонок амонтильядо.

Всех разложили по отведенным местам,
по расписанию штатному, смерти и жизни.
Сели в плацкарты, согласно каратам кольца.
Но неподвижен пейзаж и резной палисад,
и кто-то стучится в окно: «А еще положила
вниз шерстяные носочки... Следи по часам».

*

На поле, нашпигованном металлом,
он говорил, я знаю каждый шаг.
В ту яму два снаряда попадало.
Там умирал. Здесь начинал дышать.

А тут меня поцеловала пуля,
когда ходил в атаку поутру,
медсестры до санбата дотянули.
Здесь – сам тащил по снегу медсестру.

В овраге слева оторвало ногу
полковнику – он неплохой мужик,
и все орал «удерживай дорогу!».
И все шутил, что к сапогу привык.

Вон там меня гранатой разукрасило,
а после веселились от души,
накрыли их, взорвали средства связи.
Тут – одного руками задушил.

Но за стенами этой павшей крепости,
где время пострашней, чем динамит,
я чувствую себя пропавшим без вести.
Добавь огня... И вылетел в камин.

Как паутина плесени на корке,
рассвет уже протискивался в дом,
выхватывая стол и горсть махорки,
и желтый треугольник под стеклом.

